

Проблема связи философии Николая Кузанского с творчеством Ф.М. Достоевского и Вл.С. СОЛОВЬЁВА¹

The problem of the relation between the philosophy of Nikolai Kuzansky and the works of F.M. Dostoyevsky and V.S. Solovyov

Ли Тяньюнь

Независимый исследователь

e-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Li Tianyun

Free Researcher

e-mail: litianyun19920616@foxmail.com

Кудрин С.К.

Аспирант 3го курса, направление «47.06.01 Философия, этика и религиоведение», Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

3-rd year Postgraduate Student, Direction «47.06.01 Philosophy, ethics and religious studies», Saint Petersburg State University

e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

Николай Кузанский – выдающийся немецкий философ эпохи Возрождения, создавший две теории в своей философии – учение о всеединстве и метафизику человека, раскрытые в таких работах как «Об учёном незнании», «О Богосыновстве», а также во многих других его философских и богословских трудах. Необходимо отметить серьёзное влияние Николая Кузанского на русскую философию. Например, учение Кузанского о всеединстве повлияло на русского философа Семёна Франка, а метафизика человека – на другого отечественного мыслителя – Льва Карсавина. Но еще до С. Франка и Л. Карсавина, Николай Кузанский оказал влияние на Ф.М. Достоевского и Вл. С. Соловьёва – одних из важнейших мыслителей в русской культуре. Достоевский очень точно воспроизвел метафизику Николая Кузанского в своих произведениях, таких как «Маша лежит на столе...», «Сон смешного человека»,

¹ Исследование осуществляется при поддержке Государственного комитета КНР в рамках «Государственной программы для аспирантов, посылаемых государством на учебу в зарубежные престижные университеты».

«Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы». А Соловьёв в своих ранних работах таких, как «Философские начала цельного знания», «Чтения о богочеловечестве» и «Критика отвлеченных начал» активно использовал учение Николая Кузанского о всеединстве, которое оказало значительное влияние на последующее развитие русской философии, создав оригинальную русскую школу мысли, известную как философия всеединства.

Ключевые слова: Николай Кузанский, эпоха Возрождения, учение о всеединстве, метафизика человека, Фёдор Михайлович Достоевский, Владимир Сергеевич Соловьёв.

Abstract

Nicholas of Cusa was an outstanding German Renaissance philosopher who created two theories in his philosophy - the doctrine of omniscience and the metaphysics of man, revealed in such works as «On Scholarly Ignorance», On «Godhead», as well as in many of his other philosophical and theological works. It is necessary to note the serious influence of Nicholas of Cusa on Russian philosophy. For example, Kuzansky's doctrine of oneness influenced the Russian philosopher Semyon Frank, and the metaphysics of man influenced another Russian thinker, Lev Karsavin. But even before S. Franck and L. Karsavin, Nikolai Kuzansky influenced F. M. Dostoyevsky and V. S. Solovyov, some of the most important thinkers in Russian culture. Dostoyevsky very accurately reproduced the metaphysics of Nikolai Kuzansky in his works such as «Masha Lies on the Table...», «The Ridiculous Man's Dream», «Crime and Punishment», «The Possessed» and «The Brothers Karamazov». And Solov'ev, in his early works such as «Philosophical Beginnings of Whole Knowledge», «Readings on the Man God» and «Critique of Abstract Elements», made active use of Nicolas Kuzansky's teachings on omniscience, which had a significant influence on the subsequent development of Russian philosophy, creating an original Russian school of thought known as the philosophy of omniscience.

Keywords: Nikolai Kuzansky, the Renaissance, the doctrine of omniscience, the metaphysics of man, Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky, Vladimir Sergeevich Solovyov.

Два главных раздела философии Николая Кузанского – учение о всеединстве и метафизика человека – оказали раздельное влияние на двух представителей русской философии – С.Л. Франка и Л.П. Карсавина соответственно.

Учение немецкого философа о всеединстве значительно повлияло на Семёна Франка. В своей книге «Непостижимое» Франк признал, что его философия есть наследование и развитие учения Николая Кузанского о всеединстве. В свою очередь, философия Кузанского о метафизике произвела глубокое влияние на Льва Карсавина, который в своей ранней работе «Saligia, или Весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах» ясно демонстрирует, что и его философия также есть наследование и продолжение философии Кузанского.

Однако мы полагаем, что философия Н. Кузанского оказала значимое влияние и на более ранних представителей русской мысли – Фёдора Достоевского и Владимира Соловьёва. Ф.М. Достоевский раскрыл философию Николая Кузанского в метафизике человека. Русский писатель видел Иисуса Христа не сыном Божьим, а первым человеком, всецело осознавшим свое таинственное единение с Богом. В будущем те люди, которые действительно станут великими благодаря воспитанию в Церкви, понимаемой как богочеловеческое единство, также будут иметь возможность войти в это царство таинственного единения с Богом. Соловьёв же раскрыл философию Николая Кузанского о всеединстве. Он унаследовал и

развил это учение в ряде своих работ таких, как «Философские начала цельного знания», «Чтения о богочеловечестве», «Критика отвлечённых начал», и придал импульс к возникновению крайне важного направления в русской философии — философии всеединства.

1. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ФИЛОСОФИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Средневековое мировоззрение далеко отошло от первоначального учения Иисуса Христа из-за церковных догматов, принятых на Вселенских соборах, и жизни церкви как обыденной, так и таинственной. Все эти изменения производились ею для защиты своих собственных интересов, но, при этом, распространялось превратное мирозерцание. Верование Христово было искривлено и сохранено только в гностическом христианстве, которое церковь считало «ересью». Эти взгляды в Средневековье сильно притеснялись, но всё же не были истреблены полностью.

Так, русский философ Лев Карсавин считал древнего гностического религиозного учителя Василида великим христианским мыслителем, который унаследовал традиции древнего мира и передал их Средневековью [Цит. по: 1]. Средневековый католический богослов Иоахим Флорский выдвинул идею третьего завета, в которой часто упоминалось гностическое христианство. Эта идея Иоахима Флорского впоследствии вдохновила русского культурного деятеля Д. С. Мережковского на движение «Третьего завета». Итальянский философ эпохи Возрождения А. Джордано Бруно в своих трактатах «О причине, начале и едином» и «О бесконечности, вселенной и мирах» выражал свое стремление к гностическому, подлинному христианству, что дало толчок к развитию ожесточенного конфликта его с католической церковью [Цит. по: 2]. В итоге он поплатился за это жизнью. Немецкий христианский философ Иоганн Экхарт в своих трудах углублённо воспроизвел классический гностический пантеизм. И. Экхарт, как представитель мистицизма, оказал мощное влияние на немецкую мистику (И. Таулер, Г. Сузо), и немецкое богословие – Николая из Кузы, а также на русскую религиозную философию XX в. (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С. Л. Франк). Сам Николай Кузанский еще больше развил гностическое христианство предшественников в таких трактатах, как «Об учёном незнании», «О Богосыновстве», а также во многих других работах. В «Лекциях по истории философии» Г. В. Ф. Гегель рассматривал философа-мистика Якоба Бёме, находившегося под влиянием гностического христианства, в качестве первого немецкого философа и первооткрывателя современной западной философии. Гностическое христианство передалось именно через таких, непринятых церковью, христианских философов и продолжило свой путь в эпоху Ренессанса.

Ренессанс – один из главных периодов в истории развития европейской философии, следующий за Тёмными веками. Стоит отметить, что существует два разных понимания основных черт философии этой исторической эпохи. Согласно одному пониманию, основными характерными чертами философии Ренессанса являлись атеизм и материализм [Цит. по: 3]. Философия эпохи Возрождения, где, якобы, происходит возрождение литературы и искусства Древней Греции и Рима, на самом деле не возвращается к древним политеистическим традициям, а отрицает религию и теологию. Представители философии Ренессанса пытались установить концепцию, ядром которой являлся антропоцентризм, что оказало огромное влияние на дальнейшее развитие гуманизма и возникновение эпохи Просвещения. Философия Ренессанса, кроме того, предоставила базу для последующей

научно-технологической революции и великих географических открытий и, в конечном итоге, стала важным краеугольным камнем всей современной западной культуры. Очевидно, что это понимание Ренессанса, являлось разумением Возрождения с современной точки зрения, с применением ретроспективного анализа нашего времени по отношению к философам этой эпохи. Например, в наше время мы прошли период сильной секуляризации, поэтому считаем, что философия Возрождения есть атеизм и материализм. То, к чему стремится сегодня человечество, – это борьба за индивидуализм и прогресс науки и техники, и кажется, что философия Возрождения на самом деле защищает эти наши интересы. Но такие гипотезы (атеизм, материализм, индивидуализм, сциентизм) есть то, что мы сами хотим видеть в философии Ренессанса, и фактически противоречат текстам почти всех философов его.

В большинстве своём философы эпохи Возрождения сохраняли в своих трудах набожность и благоговение перед Богом и искали форму христианства, отличную от средневекового мировоззрения. Её они нашли в первоначальном христианстве. В средневековом мировоззрении понимание Бога у философов исходило не из собственного жизненного опыта, а непосредственно заимствовалось из философии и теологии Августина Аврелия (Августина Блаженного — католического святого). Но в эпоху Возрождения всякий христианский философ самостоятельно размышлял о взаимоотношениях Бога и человека и каждый пытался выразить собственные взгляды на Него. Эти философы эпохи Возрождения не пытались противостоять представлению о христианском Боге средневековых мыслителей, но пробовали постепенно избавиться от средневековых спекуляций касательно Его и вернуться к первоначальному представлению о Нём.

Главной особенностью философии эпохи Возрождения является углублённая христианская философия с возвратом к её истокам. Философия Возрождения противоположна современному мейнстриму в философии Запада, она есть крайнее отрицание индивидуализма, эгоизма и сциентизма в нынешнем понимании. Такое её уразумение было впервые предложено русским религиозным философом XX в. Владимиром Библихиным. В книге «Новый ренессанс» он писал: «Есть важная сторона дела, на которую мало обращают внимание. Возрождая древность, поэтико-философская мысль через голову средневекового возвращалась к раннему, античному христианству. Она поэтому нередко оказывалась ближе к подлинной христианской традиции, чем церковные идеологи и уверенно искала спора с этой последней, чувствуя, что превосходит её в верности её авторитетам» [4, с. 337]. Мы полагаем, что В.В. Библихин, в отличие от большинства учёных советского периода, в своих трудах, наиболее точно уловил основные черты ренессансной философии. Мы говорим о влиянии философии Возрождения на русскую философию, исходя из вышеизложенных условий.

Что касается работы В. Библихина «Новый ренессанс», то касательно её есть очень важное замечание. Профессор Евлампиев писал: «В этом смысле нужно обратить внимание на то, что в заголовке книги термин "ренессанс" пишется с маленькой буквы, а в тексте книги есть и Ренессанс (эпоха XV–XVI вв.) и ренессансы, которых автор находит в большом количестве в истории европейской цивилизации» [5, с. 345]. Можно заметить, что то, что Библихин называл «новым ренессансом», не было историческим итальянским Возрождением. Он считал, что всякий раз, когда церковное христианство попадало в тупиковое положение и уже не могло удовлетворять потребности интеллигенции и народа того времени, возникал «новый ренессанс». Эта эпоха порождала к жизни настоящих христианских философов, решительно отвергающих Священное Предание и пытающихся вернуться к учению самого

Христа, внося большой вклад в возрождение истинного христианства. В этом смысле ревитализация религиозной философии в России XIX–XX вв. также относилась к «новому ренессансу».

Николай Кузанский, один из важнейших представителей в истории ренессансной философии, две основных теории которого унаследованы и продолжены русскими философами XIX–XX вв., главным образом, Семёном Франком и Львом Карсавиным, повлияли на основные направления русской религиозной философии XX в. – а именно, на «новое религиозное сознание», «софиологию» и «имяславие». Но мы полагаем, что два более ранних представителя русской мысли, Достоевский и Соловьёв, действительно начали раскрывать эти два теоретических момента (учение о всеединстве и метафизику человека) в религиозной философии Николая Кузанского. Хотя они редко ссылались непосредственно на его труды, но их идеи принадлежали к той же духовной традиции. Давайте разберём эту глубоко идейную связь.

2. НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ И ЕГО ФИЛОСОФИЯ

Важнейшей работой Николая Кузанского является книга «Об учёном незнании», а также ряд философских и богословских работ, например таких, как знаменитая работа «О Богосыновстве». Его труды оказали значительное влияние на философию и культуру России, в частности, и Европы, в общем. Как упоминалось ранее, философия Николая Кузанского состояла из двух основных моментов: учение о всеединстве и метафизика человека. Один можно назвать онтологическим аспектом философии Николая Кузанского, а другой – антропологическим соответственно. Если мы поймем их сполна, то можно сказать, что мы вполне восприняли философию Николая Кузанского. Ниже мы проведем более подробный обзор её.

Стоит отметить, что зачатки учения о всеединстве существовали уже в Античности. В досократической философии, в особенности у Гераклита и Парменида, уже имелись определенные элементы учения о всеединстве. Но все же в древнегреческой философии эти зачатки были еще мало раскрыты и слабо понятны. В некоторой степени, древнегреческий вариант учения о всеединстве не соответствовал учению о всеединстве современной русской философии. Согласно Платону, в древнегреческой мысли всеединство существовало либо в форме стремления ко всему и потере единства, как у Гераклита, либо в стремлении к единству и потере всего, как у Парменида, и не существовало реального равновесия между всем и единым. Проблема равновесия всего и единого впервые была решена Аристотелем с помощью понятия «мыслящее мышление», которое в христианстве было перенято в качестве отношения Отца, Сына и Святого Духа.

Помимо этого, нужно однозначно утвердить, что благодаря учению о сотворении мира Богом, учение о всеединстве приобрело определенную форму. В средневековой философии, с одной стороны, все было сотворено Богом, и поэтому было единым, а с другой стороны, Бог вместо того, чтобы ничего не творить, всё-таки создал мир, и реальное существование всего неопровержимо.

Надо заметить, что эта тема средневековой христианской философии обсуждалась подробно и до Николая Кузанского. Однако, она решалась там односторонне - или Бог есть реальность всех универсалий, а вещи только их представление, или вещи реальны, а Бог и другие универсалии - номинальны. Кузанец в этой проблеме выступил как интуитивный диалектик, объединив *oppositum*, выдвинув идею «совпадения противоположностей». Он

утверждал: «Бог есть свернутость всякого бытия любой существующей вещи, и, творя, он развернул небо и землю; поистине Бог есть всё – свернуто, то есть в виде божественного интеллекта; поэтому он и есть тот, кто все развёртывает, творит, создаёт и всё прочее, что об этом можно сказать» [6, с. 27]. В философии Николая Кузанского всё сущее и единство есть не два противоположных понятия, а две стороны единения. Николай Кузанский, подобно Гераклиту, признавал изменение всего, но исходя из своего христианского происхождения, подчеркивал неизменность всех изменений. Николай Кузанский считал, что все вещи в мире быстро меняются, но все изменения являются делом Бога. Все вещи в мире непостоянны, но всё, в конечном счёте, является творением Божьим. Кузанский также признавал всеединство, как и Парменид, но он, исходя из своего богословского образования, полагал, что всеединство не является, как говорил великий греческий мыслитель, неким неизбирательным абсолютным единством. Н. Кузанский считал, что между всем сущим существует глубокое отличие, и оно не влияет на единство всего. Это учение немецкого философа о всеединстве оказало глубокое влияние на Готфрида Вильгельма Лейбница в философии Нового времени, а позднее, в немецкой классической философии, на Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга. Г.В. Лейбниц обращался к философии Николая Кузанского через теорию о монадах. Чуть позже эта теория стала официальной философией в Германии XVIII в. усилиями Христиана Вольфа – ученика Лейбница. А еще позднее в историко-философском процессе выяснилось, что система Ф. В. Й. Шеллинга опирается на философию Николая Кузанского.

Тут надо уточнить, что сама русская философия приняла шеллингианское учение о всеединстве, а не какое-то иное (например, гегелевское). Через так называемого посредника – Фридриха Шеллинга, учение Николая Кузанского о всеединстве серьезно повлияло на таких русских философов, как Владимир Соловьёв и Семён Франк. В частности, Франк в своей книге «Непостижимое» признавал, что Николай из Кузы имел обширное воздействие на него. Он писал: «Для меня, он в некотором смысле есть мой единственный учитель философии. И моя книга хочет быть, в сущности, не более чем систематическим развитием – на новых путях, в новых формах мысли, в новых формулировках старых и вечных проблем – основного начала его мировоззрения, его умозрительного выражения вселенской христианской истины» [7, с. 184]. А Соловьёв как основоположник русской школы всеединства, также находился под большим влиянием немецкого философа. Но вернемся мы к этому более подробно в следующем разделе.

Еще одной первостепенной идеей Николая Кузанского являлась антропология (метафизика человека). Открытие самого человека – очень важная черта философии Возрождения. Но это открытие не являлось гипотезой человека экономического в понимании современных людей, что на самом деле было искажением ренессансной философии (хотя в раннем Возрождении начинается первоначальное накопление капитала в странах Западной Европы). Гипотеза экономического человека была гипотезой об индивидуализме и эгоизме homo, которого, на самом деле, не существовало в философии Возрождения. Гипотеза экономического человека есть не восхваление человеческой природы, а ее отрицание. Оно, конечно, не может быть совместимо с основными чертами ренессансной философии. Открытие человека в философии Возрождения никогда не подразумевало homo как экономического, но всегда понимало человека с точки зрения христианской философии и теологии. В философии Возрождения человек уже изначально является творением Бога, и только затем имеет свою собственную природу и физиологические потребности. Открытие homo в философии Ренессанса является открытием богочеловечества в человеческой природе. Говоря простым языком, средневековое мировоззрение воспринимало человеческую

природу как зло, и что люди, именно из-за собственных грехов не могли, опираясь на свои лучшие добродетели, прийти к Богу, а полагались на посредника, то есть Христа. С другой стороны, ренессансная философия отрицала понимание греха в средневековом мирозерцании и отвергала мнение о том, что грех отделяет человека от Бога. В философии Возрождения считалось, что человек – это земной Бог, и он лучше всего сохраняет образ и подобие Бога по сравнению с остальными Божьими творениями. Философия Возрождения не считала, что Иисус Христос принципиально отличается от обычных людей, но полагала, что он первый достиг мистического богочеловеческого единства. Также считалось, что в будущем таких людей будет становиться еще больше с необходимостью с содействия Церкви.

Николай Кузанский стал представителем этого направления ренессансной философии. Но его рассуждения по этому вопросу начались не с образа человека, а с образа Иисуса Христа. Самое большое различие между Христом и обычными людьми в философии Кузанского заключалось не в том, что Христос есть сын Божий, а в том, что он первый человек, который настолько глубоко осознал богочеловеческую природу в человечестве, поэтому он также явился первым человеком, достигшим единства богочеловека в себе. Таким образом, описание Кузанским Иисуса Христа можно приравнять к описанию людей, а описание метафизики Христа к метафизике людей. В своем труде «Об учёном незнании» немецкий мыслитель заявлял: «Конкретное должно здесь существовать в абсолютной ипостаси таким образом, что, представив его только Богом, мы ошиблись бы, поскольку оно не изменяет своей конкретной природе; вообразив его творением, обманулись бы, потому что абсолютная максимальность, Бог, тоже не изменяет своей природе; и, сочтя его составом из обоих, промахнулись бы, потому что состав из Бога и творения, из конкретно ограниченного и абсолютно максимального, невозможен. Надо было бы мыслить его Богом, но так, что он вместе и творение; творением, но так, что оно вместе и Творец: Творцом-творением без смешения и составности» [8, с. 149]. Николай Кузанский считал Иисуса Христа посредником между Богом и миром и также полагал, что и человек обладает возможностью стать таким же посредником. Если человек признавал в себе богочеловеческую природу и активно раскрывал её в рамках Церкви как плоти Христовой, то он мог достичь единения с Богом.

Русский философ Карсавин находился под сильным влиянием Н. Кузанского, и признавал это воздействие на него в статье «Saligia, или Весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах». Нельзя приуменьшать значение этой статьи на фоне других философских работ Карсавина, мы можем рассматривать её как конспект его философии в целом. Профессор Евлампиев писал: «Здесь содержится краткий набросок всей гениальной метафизики Карсавина, причем главные ее идеи выражены гораздо проще и яснее, чем в последующих объёмных трудах. На страницах этого сочинения мы находим множество имён известных мыслителей мистической направленности, среди них Николай Кузанский упоминается всего один раз. Однако печать влияния учения немецкого философа здесь гораздо заметнее, чем во всех последующих произведениях Карсавина» [9, с. 70].

Как духовный лидер русской мысли, Достоевский еще раньше раскрыл метафизику человека Николая Кузанского, и ниже мы более подробно проанализируем эту идейную связь.

3. НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ, ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ И ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Николай Кузанский в своих сочинениях выдвинул учение о метафизике человека, и

Достоевский неоднократно ссылался на него. Философское мировоззрение русского писателя, можно сказать, уже созрело в одной его ранней работе «Маша лежит на столе...». Стоит полагать, что если мы понимаем эту рукопись Достоевского, то понимаем и все его философское мировоззрение. Центральная идея рукописи «Маша лежит на столе...» – реализация заповеди Иисуса Христа «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Достоевский считал, что эта заповедь в реальности практически неосуществима, но так как это заповедь Иисуса Христа, мы должны стремиться к этому идеалу. Достоевский писал: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» [10, с. 172]. Здесь русский мыслитель пересказал заповедь «возлюби ближнего твоего, как самого себя» и придал ей новый смысл. У Достоевского эта заповедь относилась не к какой-то этической или социальной идее, а к религиозной – богочеловечности в человеке. Поскольку человек инициативно исполняет заповедь Иисуса Христа «возлюби ближнего твоего, как самого себя», хоть это и невозможно, но все же он готов трудиться для осуществления этой заповеди, это указывает на глубокую богочеловечность в нём. Итак, можно сказать, что это действительное воззрение Достоевского о человеке. Писатель здесь ближе всего соприкасается с метафизикой Николая Кузанского. Фёдор Достоевский этого периода считал, что, поскольку каждый должен стремиться к заповеди «возлюби ближнего твоего, как самого себя», то каждый может достичь такой же богочеловечности, как Иисус из Назарета.

Но в более позднем рассказе «Сон смешного человека», Достоевский высказал другое мнение. Главный герой рассказа в раздумьях о самоубийстве заснул и во сне увидел далекую планету. Каждый на этой планете, кажется, исполнял заповедь «возлюби ближнего твоего, как самого себя», но так как герой по сути своей был грешником, то и всю планету он сделал развращенной. Таким образом, для Достоевского этого периода даже люди во всем мире повиновались заповеди «возлюби ближнего твоего, как самого себя», и если даже один человек будет не в состоянии этого сделать, то Царство Небесное на земле не наступит. Достоевский этого периода уже не верил, что каждый сможет исполнить эту заповедь, поэтому и не каждый сможет достичь таинственного единения Бога и человека.

В одном из своих великих произведений – «Преступление и наказание» – Достоевский создал образ Раскольникова. Этот герой опубликовал в журнале статью "О преступлении", описав собственные философские взгляды. Если говорить о Раскольникове того времени, то такой гений, как он, был близок к Богу, и не только не принимал законов, а был их творцом. Для него не существовало никакого преступления в теории вообще, и все его действия были разрешены. Но затем Раскольников на практике совершил преступление, мысли его изменились, и он осознал, что он не гений, хотя его теория была безошибочна. Однако его собственные духовные качества не соответствовали его теоретическим построениям, поэтому, в конечном итоге, он потерпел неудачу. Однако прокурор Порфирий не думал, что у Раскольникова нет выхода, и ему вместе с ним предстояло исследовать новый выдающийся путь. В ходе беседы Порфирий сказал Раскольникову: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу, прежде всего, надо быть солнцем» [11, с. 352] (цитата Фёдором Достоевским фрагмента из произведения Фридриха Шиллера «Преступник из-за потерянной чести»). Раскольников принял предложение Порфирия и явился с повинной. Но в это время он ещё не был перерожден по-настоящему, он еще считал, что его преступление не являлось чем-то неправильным. Его отправили в Сибирь, где он, наконец, обрёл духовное и нравственное возрождение. На каторжных работах Раскольникову привиделся сон. Ф. Достоевский так

описывал его: «Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса» [11, с. 420]. Согласно Достоевскому, Раскольников видел здесь не только свое собственное будущее, но и будущее человечества в целом. Достоевский верил, что в будущем человечества придёт большое количество великих людей, осознающих мистическое царство богочеловеческого единства, подобно Иисусу Христу. Здесь великий русский писатель отчетливо ссылался на антропологию Николая Кузанского.

Мысль Достоевского о метафизике человека достигла кульминации в романе «Бесы». Наиболее ярким выражением антропологии русского мыслителя являлся Кириллов, в котором писатель воплотил свою творческую страсть и энергию. Кириллов, как и сам Достоевский, страдал эпилепсией². Но опыт эпилепсии Кириллова имел больше философский окрас, нежели религиозный. Он считал, что плоть наша гнилая, и этот факт влияет на достижение нами более высокого уровня осознанности, и только когда у него случались припадки, он чувствовал себя вне пределов гнилой плоти и достигал более высокого уровня духа. Кириллов открыл свою веру другу Шатову, сказав: «Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть» [12, с. 450]. Поэтому, чтобы добиться обновления и преображения жизни, Кириллов думал, что надо застрелиться. Застрелившись, он сможет получить новую, бессмертную жизнь. Таким образом, Достоевский здесь активно упоминает метафизику человека Николая Кузанского - жизнь homo имеет поистине метафизическое значение. Но Кириллов, в погоне за этим высшим, метафизическим смыслом пошёл на крайние меры. Достоевский на этом не остановился. Писатель считал, что величайшая трагедия Кириллова заключалась, конечно же, не в приступах эпилепсии, а в его желании быть Богом. Кириллов был полон уважения к христианскому Богу, верил, что Иисус Христос – великий человек. Но он не думал, что Иисус Христос как-то существенно отличался от нас, и если мы достигнем области духа Его, тогда мы сможем стать великими людьми, подобными Ему. В ночь самоубийства Кириллов высказал свое главное кредо нигилисту Петру Верховенскому: «Если бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие» [12, с. 470]. Мы полагаем, что намерение Кирилова состояло не в том, чтобы отречься от христианского Бога, а в том, чтобы унаследовать его дело, в какой-то мере заменить его. Он хотел заменить христианского Бога и нести бремя, которое он не имел возможности нести, что и стало причиной его духовной трагедии. Но это не повлияло на то, что Кириллов стал типичной фигурой метафизики Достоевского. Метафизика человека Достоевского глубоко откликается на подобную же у Николая Кузанского – человек не есть ничтожный объект природы, человек есть благородное творение Бога, образ и подобие Божие. Хотя попытка Кириллова заменить христианского Бога через самоубийство казалась совершенно неприемлемой, но она проиллюстрировала богочеловечность в нём, и именно такие истинно высшие личности и могли достичь таинственного единения с Богом в Церкви.

Тему метафизики человека Достоевский ярко воспроизводит и в своем последнем

²В европейской культуре эпилепсия считалась священной болезнью. Первоначально именно Платон в трактате «Тимей» называл ее так. Позже стало известно, что Мухаммед, основатель ислама, тоже страдал эпилепсией, которая больше рассматривалась как болезнь, присущая исключительно создателям новой религии.

романе «Братья Карамазовы». У каждого из трех братьев Карамазовых был очень разный характер. В заключительном судебном процессе обвинитель считал, что третий брат Алёша был ближе к славянофильству, второй Иван склонялся к господствовавшим в то время западничским взглядам, отличаясь от старшего брата Дмитрия, представлявшего реальную Россию. В понимании Достоевского настоящая Россия не выглядит отсталой в сознании западников, но и не так идеалистична, как у славянофилов. Настоящая Россия опирается на традиционную русскую культуру, сохраняя при этом чувствительность к культуре Европы в целом. В какой-то мере, настоящий русский человек любит великолепную европейскую культуру даже больше, чем многие обычные европейцы. Достоевский считал, что Дмитрий – старший сын братьев Карамазовых, как раз являлся представителем этого направления. Много глубоких философских прозрений Достоевский выражал именно через него. В ночь ареста к Дмитрию пришло сновидение, которое положило начало его новой жизни. В романе сон описывался так: «И чувствует он ещё, что поднимается в сердце его какое-то никогда ещё не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите, не плакала бы и чёрная иссохшая мать дитя, чтоб не было вовсе слёз от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским» [13, с. 456-457]. Во сне Дмитрий впервые изменил свою личность, освободился от желаний и старался следовать заповеди «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Это, собственно, первое зарождение богочеловеческой природы у Дмитрия, которая после получила дальнейшее развитие. Особенно в момент нахождения в тюрьме, в ожидании ссылки в Сибирь, у него состоялся глубокий разговор с братом Алёшей. Он сказал ему: «Брат, я в себе в эти два последних месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек!» [14, с. 30]. Дмитрий сказал, что собирается петь гимн в недрах Сибири. Главным восхвалением здесь были не страдания в ссылке, а духовно-нравственное воскрешение богочеловеческой природы в нем. Претерпевая страдания в Сибири, Дмитрий сумел достичь превращения своей жизни в некую высшую духовную сферу. Здесь Достоевский в очередной раз опирался на философию Николая Кузанского, утверждая, что после долгого духовного пути, истинно великий человек должен, наконец, достичь царства таинственного единения с Богом путём Церкви.

О влиянии Николая Кузанского и его философии на Владимира Сергеевича Соловьёва было издано достаточное количество философской литературы, как трудов самого русского философа, так и его исследователей [Цит. по: 15, 16]. Школа всеединства в русской философии произошла из творчества В. Соловьёва, а его философское мировоззрение, во многом, находилось под влиянием Николая Кузанского. Здесь нужно отметить, что Соловьёв не цитировал Николая из Кузы и не упоминал его часто, но влияние Кузанца, которому подвергся русский философ, на самом деле происходило имплицитно. В ранних книгах Вл. Соловьёва таких, как «Философские начала цельного знания», «Чтения о Богочеловечестве», «Критика отвлеченных начал» присутствует много отрывков, показывающих его идейную связь с Николаем Кузанским. Нет сомнения, что тексты Соловьёва довольно схожи с текстами Кузанца. Например, в одной из своих философских работ – «Философские начала цельного знания», русский мыслитель указывает: «Если сущее есть ничто, то бытие для него есть другое, и если вместе с тем оно есть начало бытия, ...то оно есть начало другого... Таким образом, для того чтобы быть, чем оно есть, оно должно быть противоположным себя самого или единством себя и своего противоположного» [16]. В этих словах отчетливо ощущается следование Соловьёва традиции всеединства в её диалектической форме, идущей еще от античных неоплатоников и захватывающей Николая из Кузы с его принципом *coincidentia*

oppositorum. В дополнение к этому, Соловьёв следует принципу всеобщей взаимосвязи, которое есть у Кузанца: «В любом творении вселенная есть само творение и, таким образом, любое получает всё, все вещи, дабы в нем они стали ограниченным образом» [8, С. 78]. В качестве дополнительной информации к связи Соловьёва и Кузанца, нужно отметить, что для «Соловьёва особенно важным представляется стремление немецкого мыслителя обозначить единое основание всех религий и, в первую очередь, утвердить возможность воссоединения всех христианских церквей (как известно, эта идея была одной из важнейших для самого Соловьёва в его «утопический» период, когда он размышлял о сущности грядущей единой христианской церкви)» [17]. Тем самым, можно подытожить, что как Соловьёв, так и Достоевский, унаследовали духовные устои Николая Кузанского, оказавшие глубокое влияние на русскую философию.

Литература

1. Карсавин Л.П. Святые отцы и Учители Церкви. М., 1994. / Электронный ресурс: <https://mstud.org/library/k/karsavin/karsav03.htm> (дата обращения: 28.01.2023 г.).
2. Джордано Бруно. Философские диалоги. // Джордано Бруно. В., Новый акрополь, 2013.
3. Соколов В.В. Европейская философия XV-XVII веков. М., 1984 / Электронный ресурс: <http://abuss.narod.ru/Biblio/sokolov.htm> (дата обращения: 28.01.2023 г.).
4. Биbihин В.В. Новый ренессанс. М., 1998.
5. Евлампиев И.И. Ренессанс как неудача и как новое начало: концепция европейской истории в книге Владимира Биbihина «Новый ренессанс» // Стасис. 2015. Т. 3. № 1.
6. Николай Кузанский. Апология учёного незнания // Николай Кузанский. Соч. в 2-х т. М., 1980. Т. 2.
7. Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Соч. М., 1990.
8. Николай Кузанский. Об учёном незнании // Николай Кузанский. Соч. в 2х т. Т. 1. М., 1979.
9. Евлампиев И.И. Учение Николая Кузанского о Боге, мире и человеке в историко-философской перспективе // Coincidentia oppositorum. От Николая Кузанского к Николаю Бердяеву. М.: Алетейя, 2010.
10. Достоевский Ф. М. Записки публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. Соч. В 30 т. Т. 20. Л., 1980.
11. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 6. Л., 1973. 423 с.
12. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 10. Л., 1974. 516 с.
13. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 508.
14. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 5–178.
15. Евлампиев И.И. Вл. Соловьёв в восприятии своих современников и преемников // Соловьёвские исследования. М., 2003. С. 77-90
16. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Соч.: В 10 т. Т. 1. С. 320—321.

17. Николай Кузанский в России // Электронный ресурс:
http://summa.rhga.ru/osob/pro/detail.php?rraz=3&ELEMENT_ID=4724 (дата обращения:
28.01.2023 г.)